

Дмитрий Анатольевич Романов
«Вопросы подготовки современного учебного словаря агнонимов
художественного текста
(на материале романа Л.Н. Толстого “Война и мир”)

Чтение художественного произведения середины XIX века у современных читателей, особенно у представителей молодого поколения, нередко вызывает затруднения, связанные с пониманием отдельных слов и словосочетаний, а это приводит к неполноте восприятия авторского замысла. Трудности в осмыслении содержания художественного текста во многом объясняются наличием в нем лексических единиц, обозначающих специфические для прошедших эпох реалии окружающей действительности и взаимоотношения человека с миром. Кроме того, это связано с недостаточным объемом индивидуального «внутреннего лексикона» (в терминологии А.А. Залевской) каждого отдельного читателя.

Слова, которые по тем или иным причинам неизвестны или малоизвестны читателю, принято называть *агнонимами* [от греч. *a* – «без», *gnosis* – «знание» и *опута* – «имя»]. Термин *агноним* около 20 лет назад был предложен В.В. Морковкиным в его работе «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» [1997] для обозначения слов, непонятных языковой личности.

Согласно этой теории, агнонимом является лексема, относительно которой носитель языка может сказать:

1. Совершенно не знаю, что значит слово.
2. Имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определенной сфере реальности.
3. Знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов, признаков и т. д., но не знаю, чем именуемая реалья отличается от других реалий данного класса.
4. Знаю, что слово обозначает определенную реалью, но не знаю ее конкретных особенностей, способов использования, функционирования и проч.
5. Знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет, как проявляется признак, осуществляется процесс и т. д.
6. Знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта, но предполагаю, что многие люди его не знают или знают недостаточно [Морковкин, Морковкина 1997, 119].

Эти 6 критериев, заложенные в основу опроса старшеклассников, сформировали первоначальный словник представляемого словаря: За строкой «Войны и мира» Л.Н. Толстого: Учебный словарь редких, забытых и непонятных слов романа / Авт.-сост. Д.А. Романов, Е.О. Савина. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013.

Одновременно разрабатывалась идея потенциальной агнонимии и потенциального агнонимического пространства художественного текста прошедших эпох. Дело в том, что количество реальных агнонимов (и это

наглядно показало экспериментальное исследование) в сознании каждого человека (в том числе старшеклассника) весьма различно. Их число зависит от уровня начитанности, общей эрудиции, объема и устойчивости памяти, характера воспитания, ценностных ориентиров, разносторонности или узости интересов и т. д. А для словника нужен некий среднестатистический объем агнонимов современного молодого читателя. Такой среднестатистический корпус агнонимов имеет смысл выявлять по соотношению с традиционно выделяемыми лексикологами группами ограниченной в употреблении лексики. Это и есть потенциальные агнонимы:

1. Устаревшая лексика

- историзмы,
- архаизмы;

2. Узкоупотребительная лексика

- специальная
 - военная,
 - церковная,
 - медицинская,
 - театральная,
 - музыкальная,
 - пчеловодческая,
 - охотничья,
 - гиппологическая и др.,
- диалектная,
- просторечная;

3. Малоупотребительная (низкочастотная) лексика (так называемые «редкие слова»).

Возможно пересечение названных групп, а из-за этого некая размытость материала: понятно, что специальная и диалектная лексика также относится к низкочастотной, которую предпочтительно было бы растворить в других группах, имеющих четкое основание выделения. Однако практика показала, что упразднить эту неопределенную в объеме, в чем-то аморфную группу невозможно, т. к. не-диалектную, не-специальную низкочастотную лексику приходится относить к категории «редких слов». При работе мы определили это как «проблему редкого слова». Особенно значительно она встала на этапе оформления пометы агнонимирующего фактора (об этом – чуть позднее). Но здесь важно указать, что мы стремились к предельному сужению группы «редких слов» и употребления самой пометы *Редк.* Такая помета принципиально не удваивалась с другими и характеризовала, таким образом, только низкочастотную лексику, не относящуюся к группам специальной и диалектной лексики.

В связи с этим необходимо упомянуть и проблему экзотизмов, которые мы специально в словаре не обозначали (кроме отдельных случаев),

соответствующей пометы не вводили, относя архаизированные экзотизмы к устаревшей лексике, а актуальные к группе редких слов (речь идет о лексемах вроде *аббат, бургомистр, жандарм, канцлер, капрал, мамелюк, тугендбунд, иллюминатство*).

В художественном тексте романа Л.Н. Толстого потенциально агнонимическая лексика в основном представлена устаревшими словами; это можно объяснить тем, что при архаизации слово удаляется из арсенала языковой личности как неактуальное, неадекватное современным коммуникативно-культурным ценностям социума. А за время, прошедшее после написания романа, архаизирующих сдвигов произошло немало.

Уровень понимания устаревшей лексики современными школьниками невысок. Значительная часть устаревших слов современного русского языка воспринимается учащимися на уровне частичного или ложного понимания. По наблюдениям О.В. Загоровской, в языковом сознании современных школьников стремительно растет количество как полных, так и частичных агнонимов. Изменение и заметное сокращение круга чтения у значительной массы современных подростков, вытеснение экранной культурой культуры книжной ведет к неизбежному изменению соотношения между лексическим ядром и периферией. Менее четкий характер лексических связей на периферии, «возрастание количества различительных семантических признаков у лексических единиц по мере их удаления от ядра является причиной того, что многие слова или их отдельные значения оказываются непонятными или не вполне понятными современному носителю русского языка» [Черняк, 2003, 465]. Названные факторы способствуют неуклонному росту в сознании читателей количества агнонимов классического литературного текста.

Среди устаревшей лексики в потенциально-агнонимическом плане преобладают **историзмы**. Далеко не всегда можно встретить комментарий к таким словам в тексте произведения, что вполне объяснимо: для современников Л.Н. Толстого и самого автора понимание их не вызывало никаких затруднений. В современных изданиях романа комментарии к таким словам минимизированы, так как наблюдение за печатанием текста осуществляют, как правило, специалисты-филологи, уровень эрудиции которых несоизмерим не только с уровнем эрудиции школьника, но и с познаниями рядового взрослого читателя наших дней.

Многие значимые для середины XIX века понятия, связанные с обозначением в романе лиц по занимаемой должности, профессии, социальному положению и др., ушли в прошлое и без специальных разъяснений непонятны современному читателю (*бурмистр, гофмаршал, исправник*).

Довольно много историзмов среди наименований различных видов одежды (*армяк, кушак, мантилья, пудроманта, редингот*), обуви и головных уборов (*штиблеты, капор*), украшений, аксессуаров и деталей внешнего вида человека (*букли, лорнет, ридикюль*), средств передвижения, перевозки и их составных

частей (*бричка, дрожки, постромки*), наименований карточных игр (*бостон, вист, гранпасьянс, семпель*) и т. д.

Из всех потенциально агнонимичных слов историзмы наиболее четко закреплены за определенной эпохой и выступают в тексте в качестве темпорального указателя, относящего содержание произведения к определенному реальному времени.

В романе два пласта потенциальных агнонимов-историзмов.

Толстой писал роман «Война и мир» в 60-е годы XIX века, а воссоздавал эпоху начала XIX века. Значит, уже во время создания романа какая-то часть лексики заимствовалась автором из пассивного для 1860-х, но активного для 1800-х годов словарного состава. Это в первую очередь касается военной лексики, т. е. названий вооружения, обмундирования, войсковых частей, военно-инженерных сооружений и под. (*мушкет, брандскугель, карабинер, егерь*). Перед нами первый пласт агнонимов-историзмов.

Следует отметить, что отдельные реалии начала XIX века были настолько прочно забыты, что требовали от Толстого настоящего исследовательского поиска. Например, детали военной формы и костюмов. Так, после первого издания романа Толстой выяснил, что, несмотря на отмену Александром I пудренных париков, в 1805 г. они еще часто встречались в офицерской одежде. Об этом он сообщал иллюстратору романа художнику М.С. Башилову: «... надо рисовать в пудре и исторически верной форме, которой я постараюсь быть верным в новом издании» (письмо от 4 июня 1866 г.).

Военный историк Н.А. Лачинов 10 апреля 1868 г. опубликовал в газете «Русский инвалид» статью «По поводу последнего романа гр. Толстого», где дал высокую оценку роману, однако указал ряд неточностей в воспроизведении исторических деталей. Толстой был ему глубоко благодарен. Он писал в редакцию газеты: «Признаюсь, я никогда не смел надеяться со стороны военных людей (автор, наверное, военный специалист) на такую снисходительную критику... Если бы я во время своей работы мог пользоваться советами такого человека, я избежал бы многих ошибок» (письмо от 11 апреля 1868 г.).

Все замеченные исторические неточности исправлялись Толстым в очередных изданиях текста романа.

Другая часть нынешних историзмов для самого писателя и читателя его эпохи могла быть вполне современной, общеупотребительной, еще не перешедшей в пассивный состав. Эти слова являются историзмами лишь в наши дни. Это второй пласт агнонимов-историзмов, которые относятся не только к военной сфере (примеры приводились выше).

Со времени выхода в свет романа-эпопеи «Война и мир» прошло полтора столетия. Много изменилось не только в жизни общества, о чем свидетельствуют представленные выше историзмы, но и в языке, отражением чего являются **архаизмы**, также пополняющие корпус агнонимов современного читателя. В тексте романа «Война и мир» встречаются архаизмы разных типов:

- собственно лексические (например, *десница*),
- лексико-фонетические (например, *среда, аглицкий, тиеска, прешпект, сторы*),
- лексико-грамматические (например, *зала, шифоньерка*),
- лексико-словообразовательные (например, *ростепель, щиколка*).

Диалектные агнонимы – это, в некотором смысле, плеоназм. Сам статус диалектных единиц предполагает, что с их подлинным значением знакомы относительно немногие специалисты-филологи (носители общенационального языка) и жители соответствующих говору населенных пунктов. Язык «Войны и мира» включает в строй повествования большое количество таких областных лексем и словосочетаний, например: *гумно, зелена, замолаживать, мга, отъемное место, подсед*.

Языку Толстого вообще была свойственна интерференция диалектных групп (это связано с богатой событиями и переездами жизнью писателя в его молодые годы). В ранних произведениях Толстого это отчетливо видно и принципиально подчеркнуто (биографическая трилогия, «Казачьи рассказы», «Метель»). В языке «Войны и мира» встречаются диалектизмы широкой не противопоставленной наречиями локализации, диалектизмы южнорусского наречия в целом и диалектизмы тульской группы говоров. Последние – преимущественно семантические. При их выявлении наглядно иллюстрируется функция классического литературного текста как хранителя национально-культурной информации. «Война и мир» содержит ряд семантических тульских диалектизмов, которые не зафиксированы больше нигде и не встречаются в современных тульских говорах.

Примером может служить слово *рундук* в следующем контексте «Войны и мира»: «Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господские вещи, и Дрон, по желанию княжны Марьи выпущенный из *рундука*, куда его заперли, стоя на дворе, распорядился мужиками» [3, 186].

Первоначально в русском языке *рундук* – «большой сундук, ларь, служащий для хранения чего-либо и являющийся одновременно скамьей». Так он определен, например, в МАС [т. 3: 741]. Слово происходит из тюркского *ogunduk* – «подушка, подкладка, лежанка, сидение». В говорах русского языка оно имеет многочисленные значения: от названия крыльца до обозначения топкого места возле болота. Однако среди 23 значений этого слова в СРНГ [вып. 35: 260–262] семантика, определяемая из толстовского текста, не отмечена. Наши изыскания в окрестностях Ясной Поляны, ныне входящей в Щекинский район Тульской области, показали, что в этой местности *рундук* – «небольшое помещение без окон при доме или при хозяйственных постройках для хранения продуктов; чулан». Значит, перед нами семантический диалектизм, одним из хранителей которого является текст толстовской эпопеи.

Слово *лощина* употребляется в тексте романа неоднократно. Сравним: «Неприятель, вдалеке видный с противоположной горы, снизу, от моста, не был еще виден, так как из *лощины*, по которой текла река, горизонт оканчивался

противоположным возвышением не дальше полуверсты» [1, 193]. «Пониже высоты, на которой стоял Киевский полк, в *лощине* речки слышалась хватаящая за душу перекатная трескотня ружей» [1, 244]. «В *лощине* он увидел перед собой что-то вроде реки, но когда он доехал до нее, он узнал проезженную дорогу» [1, 362].

Литературное значение слова *лощина* – «долина с пологими склонами» [БАС III, т. 9: 321]. Это не вполне соответствует толстовским контекстам. В говорах это слово обозначает «низменное место», «яму, углубление, впадину», «лужу», «дырку, дупло» [СРНГ, вып. 17: 170]. Первое из представленных значений близко толстовскому, но не исчерпывает его. В употреблении Толстого это семантический диалектизм, который зафиксирован в точном значении лишь словарем В.И. Даля: «низменная плоскость, ложбина; длинная, узкая впадина, по дну которой идет водороина» [т. 2: 693]. Слово образовано от существительного *лоск* – «блеск, глянец» (по цвету земли, размываемой водой). В тульских и рязанских говорах *лощина* – «пологий склон реки, заливаемый в половодье водой, лишенный растительности, а потому блестящий; низко расположенная долина, ложбина с ручьем или рекой внизу».

Языку произведений Толстого свойственна интерференция диалектов южнорусского наречия: жизненный путь автора позволил ему делать наблюдения над речью жителей Терского и Донского казачьего круга, Московской, Орловской, Тульской, Воронежской и других губерний южной России. Поэтому текст романа «Война и мир» в полной мере отражает и диалектные слова широкого южного распространения. Например, слово *угорь*: «Илагин, чтобы загладить вину своего охотника, настоятельно просил Ростова пройти в его *угорь*, который был в версте, который он берег для себя и в котором было, по его словам, насыпано зайцев. Николай согласился... Идти до илагинского *угоря* надо было полями» [2, 286].

По наблюдениям В.И. Даля, *угорь* – «место, идущее в гору; спуск, склон, подъем близ высокого холма; полоса земли между плоскостью и холмами» [т. 4: 944]. В южнорусских говорах это слово может иметь разнообразную звуковую форму: *угор*, *угорь*, *угорье*.

Аналогичная – широкая по диалектной локализации южная лексема – *отвершек*: «...вся стая, свалившись, погнала по *отвершку* по направлению к зеленым, прочь от Николая» [2, 284]. Это слово отмечено даже в БАС III с пометой *областное*: «Отвершек. Обл. Ответвление оврага; неглубокий овраг» [т. 14: 353]. Слово образовано от существительного *верх*, которое во многих южных русских говорах имеет значение «овраг».

Понимание каждого слова в тексте является залогом интереса к художественному произведению и способствует его адекватному восприятию. Чтение же художественного текста нередко осложнено в том случае, когда в нем встречаются слова, редко употребляемые в силу ограниченности сферы использования определенной профессией, занятием, ремеслом. Это еще одна группа потенциальных агнонимов – **специальные (профессиональные) слова**.

Например, в сценах романа «Война и мир», посвященных охоте, много слов и выражений, известных охотникам, но совсем неизвестных или малознакомых обычному читателю: *доезжачий, порскать, сворка, улюлюкать, помкнуть, сосрунить, угонка, отпазанчить, выжлятник*. Эти лексемы и во времена Толстого не были широко распространены, поэтому автор нередко прямо в тексте произведения приводит пояснения к ним. Например: «русак уже до половины *затерся* (перелинял)» [5, 271]; «собака, подняв *правило* (хвост), стала тереться о ноги Николая» [5, 271]; «чур не *гладить* (протравить)» [5, 275]; «*пролез* (пробежал) волк» [5, 278]; «волк... мотнув *поленом* (хвостом), скрылся в опушку» [5, 278]; «*прибылые* (молодые) и *матерые* (старые) волки» [5, 279]; «бросился на волка и схватил его за *гачи* (ляжки задних ног)» [5, 277].

Но гораздо чаще специальные и терминологические слова и выражения не поясняются, на их значение указывает лишь контекст. Контекст не всегда помогает понять семантику того или иного слова, а нередко может оказаться «ложным другом» читателя, исказив подлинное значение слова. В этом случае читатель должен обращаться к специальным и диалектным словарям, которые, к сожалению, не всегда доступны.

В агнонимический свод включены также слова, входившие в состав **просторечной лексики** позапрошлого века, которые сейчас не употребляются носителями русского языка. Не всегда известно и точное значение таких слов, находящихся за пределами литературного языка. В тексте романа «Война и мир» подобных лексических единиц (как в речи персонажей, так и в речи автора) встречается немало: *намеднись, колотовка, куцавейка, ракалья, впоперечь* и др.

Часть подобных лексем Толстой употребляет с семантическим расширением. Например, прилагательное *куражный*. Оно получает в романе «Война и мир» безоценочное, нейтральное значение «веселый»: «– То-то смеху, – сказал он [солдат], возвращаясь. – Два ханцуза пристали. Один мерзлый вовсе, а другой такой *куражный*, бяда! Песни играет...» [4, 221].

Данное прилагательное образовано на русской почве от существительного *кураж* (из французского *courage* – «смелость, удалство, отвага») и имеет зафиксированное словарем значение «любящий покуражиться», т. е. «держаться спесиво, заносчиво; проявляя самодурство, издеваться над кем-либо» [БАС III, т. 8: 793]. Это значение имеет отчетливую негативную коннотацию. По Далю, *куражный* – «задорливый, хмельной»; *куражиться* – «задориться, бушевать; гулять и попивать или быть навеселе» [т. 2: 568]. СРНГ к далевскому значению добавляет семантику «отважный» [т. 16: 109].

Вполне очевидно, что Толстой в данном случае восстанавливает исконные деривационные связи и сближает семантику прилагательного со значением производящего слова, заостряя при этом сему «задор, озорство, веселье» (а не «храбрость, отвага») и оценивая эти свойства положительно. В таком значении слово *куражный* можно считать семантическим неологизмом Толстого.

Показательно, что Толстому была известна узуальная семантика прилагательного *куражный*, т. е. его смысловое расширение осуществлено вполне сознательно. Так, БАС III иллюстрирует традиционное значение этого слова примером из «Записок маркера» Л.Н. Толстого: «– Таким фофаном смотрит, что ну! – *куражный* то есть из себя» [т. 8: 793].

Низкочастотная лексика (так называемые «редкие слова»). Это самая проблемная часть потенциальных агнонимов, т. к. носит индивидуально-личностный характер. Подобные слова для одних носителей языка являются агнонимами, другим – они известны, и подчас довольно неплохо. Однако без этой группы создать учебный словарь не удастся. Как уже отмечалось, мы пошли по пути минимизации подобных единиц, т. е. включили в словник наиболее «темные» лексемы (вошедшие во все анкеты), слова, имеющие распространенные ошибки в толковании либо используемые Толстым в таких значениях, которые не известны современным читателям, а также немногочисленные новообразования Толстого (преимущественно семантические).

Приведем несколько примеров.

Как свидетельствует Национальный корпус русского языка, Толстой являлся единственным или одним из немногих авторов, которые использовали определенные онимы в нарицательном значении, а «Война и мир» – их первая фиксация в этой функции.

Как ни парадоксально, подобное можно утверждать в отношении слова *кунктатор* со значением «медлительный, нерешительный человек». Есть свидетельства, что на русской почве как прозвище, гимназическая кличка и т. д. это слово употреблялось уже в начале XIX века, например в Царскосельском лицее. Однако ни одним словарем в подобном, не относящемся к римской истории употреблении оно отмечено не было. В обществе образованных людей было известно, что древнеримский полководец Фабий Максим (275–203 гг. до н.э.) был прозван Кунктатором за постоянные уклонения от решительных боевых действий в войне с Карфагеном (латинское *cunctator* от *cunctari* – «медлить, задерживаться, мешкать»). Прозвище стало частью собственного имени – Фабий Максим Кунктатор.

В ироничном ключе слово *кунктатор* употреблялось задолго до Толстого, но в основном в устной речи и с отсылкой к римскому оригиналу. В романе «Война и мир» употребление несколько иное: Толстой снимает со слова иронический налет, используя его как сугубо нарицательное (без специальной исторической отсылки) в значении «опытный, тщательно обдумывающий каждый шаг, а потому медлительный человек». Наричательный характер слова еще более подчеркивает форма множественного числа. Вот толстовский контекст: «– Нет, не надобно забывать Суворова и его правила: не ставить себя в положение атакованного, а атаковать самому. Поверьте, на войне энергия молодых людей часто вернее указывает путь, чем вся опытность старых *кунктаторов*» [1, 350].

Национальный корпус русского языка дает на слово *кунктатор* во всех грамматических формах 23 вхождения (обращение 20.04.2012 г.), из которых нарицательными являются только 6. В значении «медлительный человек» это слово употребляли Ю.П. Анненков, В.Я. Шишков, В.П. Авенариус. Самым ранним употреблением, отмеченным в Корпусе, является именно толстовское. Таким образом, хотя Толстой и не являлся в собственном смысле создателем этой нарицательной лексемы, ему, бесспорно, принадлежит роль ее первого сознательного фиксатора, закрепившего в языке литературного произведения данное слово с четкой, несколько скорректированной прецедентной семантикой, лишенной ироничной оценочности.

Вот пример традиционно распространенной ошибки толкования слова.

Это относится к лексеме *тортю*. В «Войне и мире» это слово используется как в русском, так и во французском написании: «Пьер мало говорил, оглядывал новые лица и много ел. Начиная от двух супов, из которых он выбрал *à la tortue*, и кулебяки и до рябчиков, он не пропускал ни одного блюда...» [1, 85]. (И.А. Ростов – повару) «— Так смотри же, гребешков, гребешков в *тортю* положи, знаешь!» [2, 17]. Несмотря на распространенность в XIX веке этого слова, обозначающего особого рода суп, современные толковые словари не приводят его даже с пометой устаревшее. Между тем, история этого слова в русском употреблении весьма интересна.

В переводе с французского *tortue* означает «черепаха», а суп в таком случае нужно считать черепаховым. Такое значение у прилагательного *черепаховый* действительно зафиксировано: «приготовленный из мяса черепахи» [МАС, т. 4: 664]. Вероятно, экзотический суп из черепашьего мяса действительно существовал, однако французский *тортю (à la tortue)* имеет к нему косвенное отношение, связанное лишь с общностью названия.

Французский суп *тортю (à la tortue)*, как показали исследования кулинарных рецептов (в том числе выложенных в сети Интернет), приготавливался не из мяса черепахи, а из нескольких сортов мяса (телятины, говядины, свинины, птицы), петушиных гребешков и специй на красном густом бульоне. Название супа *à la tortue* – метафорическое, в нем акцентируется мозаичная структура панциря черепахи (на этом построен семантический перенос): панцирь как бы состоит из многих частей, и суп, подобно ему, включает разные мясные ингредиенты. Может быть, первоначально суп готовился на бульоне из черепашьего мяса (если признать азиатскую основу рецепта), но ни во Франции, ни в России XIX века черепашьее мясо в этот суп не добавлялось.

Позднее, в конце XIX – начале XX века, очевидно, произошла путаница, и словосочетание *черепаховый суп* стало восприниматься как перевод сочетания *суп à la tortue*, изысканные кулинарные особенности которого были забыты. Прозрачная деривационная модель относительного прилагательного *черепаховый* навязала этому слову единственную и простую (без метафор) семантику.

Толстой не только понимал значение слов *cyn tortue (à la tortue)*, но и дал русский вариант *тортю*, который в языке не прижился, из-за чего, вероятно, произошло его формальное и семантическое поглощение прилагательным *черепаховый*.

Примером использования Толстым неизвестного современному читателю значения частотной лексемы может служить употребление слова *рампа* в следующем контексте: «Ее черные глаза смотрели на толпу, никого не отыскивая, а тонкая, обнаженная выше локтя рука, облокоченная на бархатную *рампу*, очевидно бессознательно, в такт увертюры, сжималась и разжималась, комкая афишу» [2, 358]. Автор использует лексику *рампа* в значении «верхняя часть барьера, отделяющего ложу от остального зрительного зала», которое не было присуще этому слову в русской традиции его употребления. Здесь актуализируется одно из значений французского *rampe* – «перила, поручни» (от *ramper* – «ползти, стлаться по земле»). Вместе с тем в «Войне и мире» есть примеры обычного использования этого слова: «Впереди партера, в самой середине, облокотившись спиной к *рампе*, стоял Долохов с огромной, кверху зачесанной копной курчавых волос, в персидском костюме» [2, 359]. В этом случае слово выступает в значении, привычном русскому читателю, – «длинный низкий барьер вдоль авансены, скрывающий от зрительного зала осветительные приборы, направленные на сцену» [БАС I, т. 12: 577].

Еще один оним, переведенный Толстым в разряд нарицательных слов, – существительное *магдалина* в значении «грешник, думающий о раскаянии и надеющийся на прощение». Это новообразование в полном смысле данного термина, потому что до Толстого такое использование слова не отмечалось.

Толстой выводит евангельское собственное имя за границы гендерной принадлежности, относя его и к мужчинам и к женщинам; подчеркивает его нарицательные, характеризующие свойства использованием во множественном числе: «У кутил, у этих мужских *магдалин*, есть тайное чувство сознания невинности, такое же, как и у *магдалин*-женщин, основанное на той же надежде прощения» [2, 371].

По данным Национального корпуса русского языка, из 459 вхождений на слово *магдалина* (обращение 23.04.2012 г.) лишь в двух случаях оно используется как нарицательное в значении «грешница, распутница» (у Л.М. Леонова в романах «Вор» (1928 г.) и «Русский лес» (1953 г.)). Можно предположить, что Леонов в этом случае продолжал толстовскую языковую традицию. Толковыми словарями русского языка данная деонимизация не зафиксирована.

Одним из наиболее частотных приемов работы Л.Н. Толстого со значением слова было семантическое или стилистическое расширение. Как правило, Толстой шел от нравственных, этических задач своего повествования, переводя не относящуюся напрямую к моральной сфере семантику в интересующую его плоскость (т. е. осуществлял семантический сдвиг лексемы). Нередко это было сопряжено со стилистическими изменениями: нейтральное слово приобретало книжный характер и становилось обозначением какой-либо нравственной

категории: истины, справедливости, идеала и т. д. Таким образом, слово, уже имеющее определенный языковой статус, приобретало новые, расширительные смыслы и стилистические характеристики.

Толстой прибегал к семантическим расширениям слова и в других (не философских) тематических сферах языка. Эпопея «Война и мир» достаточно отчетливо это показывает.

Так, прилагательное *гуртовой* употребляется Толстым в значении «многочисленный, массовый», в то время как языку в целом было свойственно употребление этого слова в значениях «принадлежащий гурту, стадный; относящийся к гурту» (*гуртовая скотина, гуртовой погонщик*) или «осуществляемый гуртом, оптовый» (*гуртовая продажа*). Семантически прилагательное *гуртовой* выводится из существительного *гурт* (от польского *hurt* – «стадо, загон для овец» из немецкого *Hürde* – «плетень, изгородь»). Ближайший по времени к периоду создания толстовской эпопеи академический словарь – САР 1847 как раз и приводит у слова *гуртовый* два значения: «1. Приставленный к гурту. 2. Покупаемый или продаваемый гуртом» [т. 1: 303]. У Толстого встречаем следующий контекст: «По всей линии, по лесам, по полям, как в этой местности низов около Бородина, зарождались беспрестанно сами собой, из ничего, пушечные, то одинокие, то *гуртовые*, то редкие, то частые *клубы дымов*» [3, 259]. То есть первоначальное признаковое (относительное) значение перенесено Толстым на неодушевленные предметы (как это уже было сделано в языке при возникновении семантики «оптовый») и расширено до обозначения большого количества.

Толстой в семантическом расширении этого слова опирался на народную традицию, находящую подтверждение в словаре В.И. Даля, который, характеризуя торговое значение прилагательного, отмечал: «Гуртовой – отдаваемый или принимаемый гуртом, валом, оптом, чохом, общим числом, не врозичную, *не враздробь*» [т. 1: 1011] и приводил в качестве одной из иллюстраций выражение *Гуртовая копейка виднее* (курсив наш. – Д. Р.). Здесь актуализируется сема «не одиночный, не единичный», становящаяся у Толстого опорой нового значения и новой сочетаемости.

Весьма показательным, что БАС III приводит это значение в качестве третьего значения прилагательного *гуртовой* («состоящий из большого количества кого-, чего-либо; массовый»), давая иллюстрацию из «Войны и мира» [т. 4: 470]. БАС I такого значения не фиксировал, оставшись в рамках традиционных языковых «1. Относящийся к гурту. 2. Оптовый, общий; гуртом покупаемый или продаваемый» [т. 3: 491].

Национальный корпус русского языка дает на прилагательное *гуртовой* во всех формах 50 вхождений в 24 текстах (обращение 18.04. 2012 г.). При этом в значении, близком к реализованному в «Войне и мире», – 5 вхождений. Приводим их по мере углубления во времени (курсив везде наш. – Д. Р.): у К.И. Чуковского в статье «Тема денег в творчестве Некрасова» (1921 г.), у А.П. Чехова в повести «Моя жизнь» (1896 г.), у Н.К. Михайловского в статье «Борьба за индивидуальность» (1875 г.), у А.И. Герцена в мемуарах «Былое и

думы» (1862–1866 гг.) 2 употребления: «*гуртовое* большинство западных людей» и «*гуртовые* натуры».

Современным толстовскому является только словоупотребление А.И. Герцена, но оно, также являясь новаторским, акцентирует при смысловом переносе не сему «в большом количестве, не одиночный, не единичный», а сему «стадный, массовый, относящийся к большинству». При этом весьма отчетливо проявляется отрицательная оценка определяемого прилагательным явления. В этой традиции выдержаны и все остальные семантические сдвиги традиционных значений слова *гуртовой*: и Н.К. Михайловский, и А.П. Чехов, и К.И. Чуковский наделяют прилагательное пейоративной коннотацией: Михайловский и Чехов – в значении «стадный», Чуковский – в значении «массовый». Все данные семантические трансформации сопряжены с представлением об активном (одушевленном) субъекте.

Следовательно, смысловое расширение Толстого, не имеющее отрицательной коннотации и не подразумевающее обязательность активного субъекта, является вполне оригинальным и к настоящему времени уникальным по использованию, хотя и опирающимся на народную традицию (*гуртовая* копейка). Таким образом, иллюстрация из «Войны и мира» в БАС III к сформулированному в нем толстовскому значению этого прилагательного оказывается к настоящему времени единственной. Близкое, но все-таки иное значение «стадный, относящийся к большинству, массовый», не приведенное ни в одном словаре, должно быть снабжено обязательной пометой *неодобрительное* или *отрицательное*; его можно иллюстрировать приведенными выше контекстами, зафиксированными в Национальном корпусе русского языка.

Структура словарной статьи

Словарная статья включает в себя следующие зоны.

Заголовочное слово, снабженное ударением. В качестве заголовочных выступают отдельные слова и устойчивые словосочетания.

Слово снабжено элементарным грамматическим комментарием: указывается окончание родительного падежа и род существительного, окончания женского и среднего рода прилагательного, вид и переходность/непереходность глагола. Для других частей речи приводится их морфологическая принадлежность.

При решении проблемы объема словарной статьи («Дефиниция +») нами избран лингвокультурологический, исторический или этимологический комментарий.

Различные типы комментария представлены, например, в статьях: *цибик*, *игрневый*, *корпия*, *орарь*, *околоток*, *брандскугель*.

Семантическая зона словарной статьи включает 1) указание на агнонизирующий фактор: специальная, устаревшая, диалектная, просторечная, редкая (низкочастотная) лексема; 2) лексическое значение – толкование с

указанием источника; 3) лингвокультурологический, исторический или этимологический комментарий.

Проблема пометы для агнонизирующего фактора решалась таким образом: удвоение помет происходило в следующих случаях: *Устар.* + *Спец.*, *Устар.* + *Прост.* Помета *Редк.* не удваивалась. Такие слова в целом выделялись по остаточному принципу.

Лексическое значение определялось с опорой на контекст и с учетом данных лексикографических и (в редких случаях) Интернет-источников. При этом использовались толковые, диалектные словари, а также словари редких слов, архаизмов и историзмов.

Если значение лексической единицы, в котором она употреблена Л.Н. Толстым, совпадало со значением, данным в одном из использованных источников, то значение давалось так, как оно представлено в этом источнике, при этом сохранялись лингвистические и другие пометы. В некоторых случаях авторы оставили за собой право дать собственное толкование значения. В таких случаях базой для толкования является контекст.

Заключительная зона словарной статьи – зона иллюстраций. Каждое слово снабжено примером его использования из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» с указанием тома и страницы, где оно отмечено. Цитируется собрание сочинений Л.Н. Толстого в 20-и тт.; издание 1960–1965 гг. Указание тома соответствует тому произведения (1–4), указание страницы – странице цитируемого издания. Все иллюстрации представляют собой минимальный, но в должной мере репрезентативный контекст.

В словаре представлено свыше 450 словарных статей.

В словник включены только имена нарицательные. Имена собственные и их производные, которые составляют в восприятии современного читателя романа значительную по объему агнонимическую зону, пока остались за пределами объяснения, потому что, во-первых, они охотно помещаются редакторами в примечаниях к тексту, во-вторых, сведения о собственных именах легко найти в энциклопедических справочниках и электронных информационных сетях. В перспективе имена собственные, и особенно их нарицательные производные, могут войти в корпус словаря.

Данный учебный словарь не претендует на исчерпывающую полноту в отражении агнонимов, характерных для актуального в наши дни языкового восприятия романа Толстого. К тому же, как уже отмечалось, их корпус в той или иной степени различается у читателей в зависимости от уровня их языковой компетентности. Это словарь-справочник, словарь-комментарий. Он адресован молодым читателям «Войны и мира» – школьникам и студентам – а также учителям и преподавателям как дидактическое пособие.